Всегда в пути...

В гастрольной поездке с областным театром

НЕБОЛЬШОЙ автобус неторопливо наматывает на колеса серую ленту шоссе...

Душно... Только изредка горячий ветерок шевельнет [illegible] и приятно пощекочет лицо.

В выцветшем от зноя небе носится будорага-жаворонок и роняет оттуда свою незатейливую мелодию. И [illegible] подхватят [illegible] грустный, чуть приплюснутый женский голос заводит в автобусе «над судьбой» старую задушевную и немного грустную песню. Ее подхватывает густой басок, затем грустное сопрано. И вот уже голоса один за другим, как ручейки в реку, вливаются в негромкий, но стройный хор. Песня ширится, крепнет и вдруг сразу замирает, будто придавленная духотой... Наперекор воцарившейся дремотной тишине два звонких молодых голоса начинают [illegible] спор о последнем романе [illegible]. Потом разговор перескакивает на американскую картину «Все от Евы».

Я тоже видел накануне «Все от Евы». Мастерство исполнителей главных ролей — высокое, диалоги блещут тонким юмором и сарказмом. Но меня поразила, вернее, ужаснула, атмосфера интриг, обмана и продажности театрального мира в Соединенных Штатах, которую там убедительно воссоздали в фильме режиссер и актеры. И, наверное, их удача во многом объясняется тем, что они играли в какой-то степени «самих себя», передавали свои подлинные чувства, изображая ту борьбу за существование, которую многим из них пришлось вести в жизни.

И невольно радуешься за сидящую со мной рядом молодую актрису Нину Бурейкову. Ее беззаботный смех и озорные, лукавые глаза — лучшее свидетельство того, что ей не приходится переживать все невзгоды, выпавшие на долю героини американской картины. Природные способности открыли ей дорогу в Щепкинское училище. А за два года самостоятельной работы в театре она уже успела сыграть Порцию в «Венецианском купце», Таню в «Забытой песне», Катю в «Братьях Ершовых», Лену в «Четверо под одной крышей» и даже мальчика Чанду в индийской сказке...

Есть и у нее свои трудности. Не так-то легко играть сегодня Порцию, а завтра выступать в не свойственном тебе амплуа «травести» в «Чанду». Не сразу привыкаешь и к жизни на колесах, к порой неустроенному быту артиста передвижного театра... Но все это растворяется в главном — в радости творчества, в общении с благодарным, чутким зрителем, в том духе дружбы и товарищества, который господствует в театре.

ВОТ и Озеры — город, где сегодня предстоит играть «Третью патетическую» в помещении Летнего театра. Здесь почти семьсот мест. Будет ли сбор?

В театре не принято спрашивать об этом перед спектаклем. Но главный режиссер театра Сергей Александрович Бенкендорф мне по секрету сообщает: «Аншлаг».

И рассказывает любопытную и в то же время поучительную историю. Когда встал вопрос о постановке «Третьей патетической», в коллективе раздавалось немало протестующих голосов. Дескать, пьеса сложна для передвижного театра, трудна для массового зрителя, [illegible] знакома по телевидению и радио...

— Но скептики и маловеры оказались посрамленными, — говорит Бенкендорф. — Что ни спектакль, то полный сбор. А вот пьеса, на которую кое-кто у нас делал ставку, «Четверо под одной крышей» не всегда себя оправдывает, хотя на первый взгляд и «кассовая»...

Другим стал зритель, другими стали его запросы и требования.

И, слыша, какими горячими аплодисментами встречает публика открывшийся занавес, невольно вспоминаешь исполнителя роли В. И. Ленина — Василия Акимовича Синявина, который задолго до всей труппы приехал сюда, чтобы получше загримироваться. Да, такому зрителю надо отдать все, что имеешь. Передвижникам надо «выложиться» полностью.

Привередливому московскому театралу, может быть, показались бы бедными декорации, снисходительную улыбку его вызвала бы «игра», мгновенно «загорающаяся» на сцене. Но людей, сидящих в зале, не смущают эти шероховатости. Их захватила [illegible] правда жизни, которую искусно воссоздают сейчас актеры, то темпераментное и мастерское зрелище, которое разворачивается перед ними.

Чувствуется единство ансамбля, слаженность спектакля, уверенно катящегося по рельсам, проложенным режиссером. И зрители сосредоточенно следят за судьбами героев пьесы, попавших в бурный водоворот событий периода нэпа.

В антракте к Сергею Александровичу Бенкендорфу подходит группа молодых парней — рабочих Озерского комбината. Это участники местной самодеятельности. Среди них и [illegible] ровницы (есть такая специальность в ткацком производстве) Михаил Гонителев — участник третьего тура областной самодеятельности и исполнитель роли бухгалтера в «Юбилее» Чехова. Для него и его товарищей каждый приезд в город театра — большое событие. И сейчас он с таким душевным жаром, взахлеб говорит о театре, о любимых ролях...

Долго не расходились озерцы после спектакля, вновь и вновь вызывая полюбившихся им актеров. А я в это время думал, как этот успех опровергает утверждения некоторых горе-теоретиков о неминуемой «смерти» передвижного театра, которая должна якобы произойти в результате «наступления» телевидения и кино. Глядя на тот прием, который был оказан в Озерах сегодняшнему спектаклю, понимаешь, что экран никогда не сможет заменить живого общения зрителя с актерами, дыхание рампы, взволнованную атмосферу зала...

СЛЕДУЮЩЕЕ утро начинается, как всегда, репетицией. За круглым столом склонились головы будущих исполнителей «Власти тьмы». Нащупываются психологические мотивировки поведения действующих лиц, идет чтение ролей «с раздумьем». Проводит репетицию Е. В. Черняк, впервые пробующий свои силы как режиссер. (Кстати, это уже стало в театре доброй традицией — все время выдвигать на режиссерскую работу своих актеров. И сейчас уже не в одном периферийном театре художественными руководителями работают воспитанники С. А. Бенкендорфа и его предшественников).

Репетируется диалог Митрича с Анютой.

— Вдумайтесь, — говорит Илье Михайловичу Гудкову Е. В. Черняк, — знает ли уже ваш Митрич о готовящемся преступлении? Или только догадывается? А может быть, он лишь сейчас узнает об этом? Ведь от этого зависит и тот смысл, который вы вкладываете в свои слова...

Вновь и вновь режиссер останавливает актеров.

— Нет, нет, интонация здесь не та, — говорит он исполнительнице роли Матрены — Нине Михайловне Злобиной. — Ведь вы не осуждаете убийц, а только бесстрастно фиксируете их поступки.

Трудно приходится актерам. Ведь все они — Никита (Геннадий Чулков), Анюта (Вета Дроздова) и другие — люди молодые. Весь уклад жизни, помыслы и устремления действующих лиц пьесы им чужды и непонятны. И не удивительно, что встречающееся в тексте слово «рундук», бывшее когда-то олицетворением купеческого достатка, вызывает недоуменный вопрос Веты Дроздовой: «А что это такое?».

Только тщательное изучение эпохи, глубокое проникновение в психологию героев, актерская интонация помогут им воплотить на сцене гениальное произведение Л. Н. Толстого.

Пожалуй, из всех сидящих сейчас за столом лишь Илья Михайлович Гудков еще помнит старое время. Он снисходительно поглядывает на молодежь, которой нравы, описанные в пьесе, кажутся чуть ли не средневековьем. Даже его, Ильи Михайловича, рассказы о первых годах работы в областном театре, который назывался тогда Первым колхозным художественным, звучат для молодого поколения анахронизмом. А было это всего четверть века назад: старенький «амовский» грузовичок, где актеров зимой «вымораживало», а летом пекло до полусмерти, разбитые дороги и спектакли в нетопленных избах... 25 лет... Из них 10 лет вне дома, «на колесах», около миллиона километров, проезженных по путям и весям Подмосковья... За плечами 50 центральных ролей: Отелло, Ананий из «Горькой судьбины» Писемского, Романюк из «Калиновой рощи», персонажи из большинства пьес Горького и Островского...

Репетиция продолжается... Это всегда увлекательно — видеть, как перед тобой вырисовываются контуры будущего спектакля, как все отчетливее очерчиваются характеры его персонажей...

А пока актеры закладывают фундамент будущей постановки, их товарищи — костюмеры, реквизиторы, осветители — уже готовятся к вечернему представлению. Впрочем, множественное число я употребил напрасно. В скромном штате областного театра каждая из этих специальностей представлена в единственном числе. А как быть, если вечером предстоит дать сразу два спектакля — один в Коломне, а другой — в селе Малино?

Но есть, оказывается, «помощник», дающий возможность выйти из положения. Это энтузиазм, та хорошая одержимость, влюбленность в свой театр, которая творит чудеса. И дело не только в том, что шофер грузовой машины Андрей Лузин добровольно в этот вечер принимает на себя обязанности рабочего сцены, бригадир рабочих сцены Анатолий Бородуля становится «по совместительству» осветителем, а актеры — одновременно гримерами и парикмахерами.

(Окончание на 3-й стр.)

28 АВГ 1960
Ленинское знамя
г. Москва

Всегда в пути...

(Окончание. Начало см. на 2-й стр.)

Главное — в той творческой атмосфере, которая царит в театре. И действительно, разве без этого можно было бы сегодня на крохотной сцене старенького Малинского клуба разместить декорации «Неравного боя»?

— Сергей Александрович, «соседний двор» не устанавливается!

— Сергей Александрович, «забор» не умещается...

В ответ слышится короткое, но внушительное: «Надо». И к приезду труппы неведомо какими путями на сцене размещаются и «соседний двор», и «забор», и все остальные декорации. Это результат изобретательности, смекалки и, я бы даже сказал, профессиональной дерзости тех, кто сейчас за кулисами готовит спектакль. И, конечно, заслуга главного художника театра Валентины Яковлевны Маренко, так искусно создающей оформление спектакля, что оно трансформируется почти для любой сцены.

В ОЖИДАНИИ начала представления я беседую с заведующим Малинским клубом Виктором Григорьевичем Селиверстовым. Видя, как он радостно хлопочет, помогая готовиться к спектаклю, понимаешь, что и для него приезд театра — большое и долгожданное событие. Словно угадывая мои мысли, Виктор Григорьевич говорит:

— Любят у нас театр, да вот беда — не часто балуют нас областные артисты. Сегодня впервые за весь год их увидим...

В голосе Селиверстова, кстати сказать, бессменного [illegible] клубом уже одиннадцать лет, чувствуется обида.

Один раз за год — не мало ли? Ведь Малино — центр совхоза, насчитывающего не один десяток сел. И мне невольно вспоминается разговор с заведующей отделом пропаганды и агитации Коломенского горкома партии Любовью Алексеевной Федотовой.

— Редко бывают наши областные театры на селе, — сетовала она. — Есть площадки, куда годами никто не выезжает. А все дело в планировании. В областном управлении культуры указывают театру только куст, где он должен гастролировать, и срок. А где именно будут проходить спектакли, — никого не интересует. Вот и получается, что театры предпочитают отсиживаться в районном центре, а на село выезжают неохотно.

А на селе театр — желанный гость. Это хорошо понимаешь, видя, как после нелегкого трудового дня люди все же спешат в клуб. Но вот уже девять часов, а зал полон только наполовину. В чем же дело? Ведь билеты проданы...

Оказывается, Виктор Григорьевич еще заранее обратился с просьбой перенести начало спектакля на 10 часов. Ничего не поделаешь: страдная пора, и люди с полей и ферм поздно возвращаются домой.

И, хотя придется возвращаться в Коломну далеко за полночь, актеры соглашаются начать на час позже. Разве можно отказать такому благодарному, искреннему и восторженному зрителю?

До начала спектакля в зрительном зале разговоры идут самые будничные. Нина Михайловна Шишкина и Зинаида Петровна Рожкова — передовые доярки совхоза — толкуют о закладке силоса. Агроном Виктор Владимирович Гречишкин и здесь наказывает что-то одному из бригадиров. А перед самым звонком появляется запыхавшийся тракторист Виктор Верхин. За семь километров отсюда работал он сегодня и все-таки не утерпел — примчался в театр.

Но вот раздвигается занавес, и лица сразу становятся сосредоточенными. Большие, натруженные руки доярок ложатся на колени, Виктор Владимирович облокачивается на кресло, Виктор Верхин весь устремляется вперед... Каждый смотрит спектакль по-своему...

Я тоже с интересом смотрю на сцену, хотя пьесу эту видел не раз. Процесс перевоплощения актера, его толкование образа всегда таит в себе что-то неотразимо притягательное, волнующее. Особенно внимательно я слежу за одним из ветеранов — Анатолием Григорьевичем Овчинниковым. Вчера — [illegible] Советскую власть Гвоздилин, сегодня — покровительный (даже слегка «голубой») Тихон Тимофеевич. И, глядя на его очень сдержанное, я бы сказал, благородное толкование образа, не верится, что этот человек — тот самый Овчинников, который 250 раз с таким успехом сыграл неистового Яго (и, кстати, 16 раз в том же спектакле — Отелло. Чего не бывает в передвижном театре!..). Сыграл так, что в [illegible] томе полного собрания сочинений Шекспира, выпускаемого Гослитиздатом, помещается именно его фотография в этой роли. Сыграл так, что известный искусствовед А. А. Аникст, посмотрев его в этой роли, сказал: «Теперь мне впервые стало ясно, как Яго удалось обмануть мавра».

Диву даешься, откуда у этого, как он сам себя называет, «бронницкого мужика» такое тонкое проникновение в шекспировского героя, такое понимание его психологии.

И сегодня Анатолий Григорьевич вместе с Лидией Евсеевной Левочкиной (Тамара Тимофеевна), Василием Акимовичем Синявиным (Роман Тимофеевич) и другими партнерами ведет спектакль с подъемом, без скидок на поздний час.

И ВОТ мы снова в пути — на этот раз театру предстоит играть «Четверо под одной крышей» в Луховицах... Автобус вновь плавно катится по шоссе, навевая дрему. Где-то в тайниках памяти всплывают забытые строки, которые всегда ассоциировались у меня с представлением о передвижном театре:

Над черной слякотью дороги
Не поднимается туман.
Везут, покряхтывая, дроги
Мой полинялый балаган.

Как разительно непохожа жизнь провинциального актера недавнего прошлого на жизнь людей, с которыми меня столкнула сейчас журналистская судьба. И дело, конечно, не в том, что обветшалый балаган сменил комфортабельный современный автобус. Не осталось и помина от духовного прозябания, пьяного угара или унизительной зависимости от купчика-мецената.

Как разнообразен духовный мир моих новых друзей, как разносторонни их запросы! А если говорить о творческом лице нынешнего передвижного театра, то всякое сравнение с труппами, гастролировавшими когда-то по провинции, вообще немыслимо.

Но, как всякие пытливые, ищущие люди, актеры Московского областного драматического театра стремятся сделать еще больше, достичь в своих постановках еще более высокого уровня. И есть на пути к этим устремлениям одно серьезное препятствие — отсутствие постоянного помещения. Надо ли говорить, как трудно работать актерам, не имея своей стационарной базы. Как важно было бы иметь в Москве место, где можно показать столичной общественности новую премьеру, сохранять декорации и реквизит, не зависеть, наконец, от настроения руководителей организаций, сдающих в аренду помещение театра...

В Ленинграде областные театры имеют в городе свои постоянные базы, неужели на пять подмосковных театров нельзя выделить или построить хотя бы одно здание, сетуют актеры-передвижники. Надо признать этот упрек справедливым... Наверное, исполкому Московского Совета следует, наконец, пойти навстречу областникам. Тем более, что государственный бюджет от этого только выиграет: аренда пяти помещений в Москве «съела» гораздо больше, чем стоит строительство скромного театрального помещения.

...В Луховицах, в здании районного Дома культуры, областной театр давал «Четверо под одной крышей». Игра актеров была профессиональной, постановка добросовестной, и все же в спектакле, по моему мнению, отсутствовали та легкость, живость, которые должны сопутствовать комедии. И, наверное, не случайно многие зрители так толком и не поняли, какой из трех драматических областных театров приехал к ним в этот вечер... Что я хочу этим сказать? А вот что. Не пора ли определить «лицо» каждого из [illegible] областных театров? Ведь сейчас все они «драматические».

А почему бы не «специализировать» театры? Пусть один из них останется драматическим, другой посвятит себя комедии (может быть, музыкальной), а третий — одноактной пьесе. Это разнообразит репертуар, позволит многим актерам полностью раскрыть свои дарования, а главное, каждый из театров будет иметь свое ярко выраженное лицо. А если говорить о театре одноактной пьесы, то он может дойти до новых площадок, вплоть до полевых станов и ферм.

Из Луховиц мы возвращались во втором часу ночи. Некоторое время ехали молча. Потом кто-то бросил шутку, и автобус отозвался дружным смехом. И спустя несколько секунд веселое оживление охватило всех. Не верилось, что позади трудный, по существу, ночной спектакль. Но это уже позади, а сейчас Сергей Александрович вместе с заведующей гримерным цехом — Еленой Потаповой уже обсуждает, как выходить из положения, если театру снова дать два спектакля в районе, как лучше распределить технический состав?..

Такая уж жизнь у неутомимых и жизнерадостных тружеников — актеров Областного драматического театра: всегда в пути, всегда «на колесах»...

Вл. МАРЬЯНОВСКИЙ.
(Наш корр.).